

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Zoje Stage
BABY TEETH

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Стейдж Зои

С79 Молочные зубы. [роман] / Зои Стейдж; пер. с англ. В. Липки. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 416 с. – (Молодежный психологический триллер).

ISBN 978-5-17-111164-9

Страдающая от генетического заболевания Сюзетта Йенсен всегда знала, что материнство станет для нее серьезным испытанием. Тем не менее, она дарит жизнь малышке Ханне, полагая, что теперь у них с Алексом будет настоящая семья. Чувствуя обиду на собственную мать, Сюзетта твердо намерена воспитывать дочь в любви и заботе, которых она была лишена.

Но Ханну с уверенностью можно назвать трудным ребенком: в свои семь она умеет читать и писать, но еще не произнесла ни слова. Отличаясь дурным нравом, девочка не задерживается надолго ни в детском саду, ни в школе, вынуждая Сюзетту перевести дочь на домашнее обучение. Презируя установленные мамой правила, девочка с каждым днем становится все агрессивнее. И только с отцом Ханна ведет себя как ангел: для Алекса она его *lilla gumman*.

Сюзетта уверена, что их дочь – первоклассный манипулятор и ненавидит мать. Она одна замечает ревность и ненависть в глазах Ханны. И чем больше усилий прикладывает девочка, чтобы разлучить родителей, тем больше Сюзетта начинает бояться за свою жизнь...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7 Coe)-44

ISBN 978-5-17-111164-9

Copyright © 2018 by Zoje Stage
© В. Липка, перевод на русский язык,
2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

**ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ОТЦУ,
ДЖОНУ СТЕЙДЖУ**

ХАННА

ВОЗМОЖНО, МАШИНА умела различать слова, которые она никогда не произносила. Наверняка они хранились где-то у нее в подкорке. Возможно, увеличив изображение, все эти люди в белых халатах смогли бы разглядеть мысли, роящиеся в 3D-проекции ее черепа, как суетливые пчелы. Ханна знала: с ней все в порядке. Но мама захотела показать ее специалистам. Снова.

Больничная палата грозно страшила иглами. К аромату лимонных леденцов примешивался едкий химический запах. Когда она была маленькой, машина ее пугала. Но теперь Ханне было семь, и она вообразила себя астронавтом. Космический корабль несея вперед и издавал короткие сигналы, а она определяла координаты, постоянно сверяя курс. Крохотная Земля исчезла из виду в иллюминаторе, и девочка оказалась в темноте, среди сияющих, убегающих вдаль звезд. Ее никто и никогда не догонит. Она улыбнулась.

— Не шевелись, пожалуйста. Мы почти закончили, у тебя все здорово получается.

Руководитель полетов внимательно наблюдал за ней, сидя за монитором. Она ненавидела персонал наземного центра управления с их белыми халатами, мелодичными голосами и искусственными улыбками,

в мгновение ока сменявшимися хмурым взглядом. Все они одинаковые. Лжецы.

Ханна держала слова при себе, потому что они наделили ее силой, сохраняя непорочность внутри нее. Она присматривалась к маме и другим взрослым, внимательно их изучая. Слова слетали с их губ как мертвые жучки. Не у многих людей, таких как папа, слова были похожи на разноцветных бабочек, от которых у нее дух захватывало.

Внутри нее бушевал калейдоскоп удивительных эмоций, которые она пыталась хоть как-то выражать. Но, как назло, изо рта вылетали будто цветные шарики. Чушь. Лепет. Разочарование даже для ее собственных ушей. Когда она оставалась в комнате одна, то изо всех сил практиковалась, но с губ срывались лишь жучки, пугающе живые, резво разбегавшиеся по коже и одежде. Она стряхивала их и смотрела, как они исчезают за запертой дверью.

Слова, как всегда ненадежные, еще никому не стали другом.

Но если честно, то существовала и другая причина ее безмолвия — выгода. Ее молчание сводило маму с ума. Все эти годы та отчаянно желала услышать, как ее дочь заговорит. И без конца умоляла:

— Ну, пожалуйста, маленькая моя! Ма-ма! Ма-ма!

А вот папа, наоборот, никогда не расстраивался и не просил. Когда он держал ее на руках, у него загорались глаза, будто перед ним вспыхивала сверхновая. Он один видел ее настоящую, поэтому она улыбалась ему, а в награду отец целовал ее и щекотал.

— Порядок, мы закончили, — сказал руководитель полетов.

В наземном центре управления кто-то нажал кнопку, и ее голова выскользнула из гигантской механической трубы. Космический корабль приземлился обратно на Землю, швырнув ее в водоворот повседневности. Вокруг проступили бесформенные силуэты, и один

из них протянул ей руку, предлагая отвести обратно к маме, словно это было какое-то вознаграждение.

— Ты потрудились на славу!

Какая ложь. Она вообще ничего не сделала, разве что слишком рано вернулась на Землю. Лежать неподвижно оказалось совсем не трудно, а молчание и вовсе было для нее естественным состоянием. Ханна протянула женщине руку, хотя ей очень не хотелось возвращаться к недовольной маме в очередную душную комнату. Куда лучше было бы исследовать бесконечные больничные коридоры. Она вообразила, что движется в чреве огромного дракона. Изрыгнув злобное пламя, он вышвырнул бы ее в другой мир, которому она принадлежала, где можно было мчаться по мрачному лесу с мечом в руке, выкрикивая боевой клич, чтобы собрать соратников. Она повела бы приспешников в атаку, и они ринулись бы на врага: режь, круши, бей и руби. Меч познал бы вкус крови.

СЮЗЕТТА

ОНА ПРОВЕЛА по затылку дочери, пригладив растрепавшиеся во время процедуры волосы.

— Вот видишь, все не так плохо. Теперь послушаем, что скажут врачи.

От натянутой улыбки у нее задергался глаз, и она коснулась его уголка указательным пальцем. Ужас запустил острые когти в ее сердце, нанося непоправимый урон душевному равновесию. Бесконечные больничные коридоры, палаты и кабинеты врачей она считала ничем иным, как ведомством пыток. Они нависали над ней тяжелой глыбой. Ханна сидела, подперев ладонью щеку, поглощенная своими мыслями, без тени эмоций на лице. Такой она обычно бывала перед экраном телевизора. Сюзетта взглянула на картину в раме, привлекающую внимание дочери. Квадраты блеклых цветов. По движению глаз Ханны она хотела понять, пытается ли та их сосчитать или сгруппировать по сходным оттенкам. Дочь делала вид, что не замечает присутствия матери, и в этом нежелании смотреть на нее Сюзетта увидела привычный укор. После стольких лет она потеряла счет грехам, за которые несла наказание.

Возможно, Ханна все еще сердилась, что у них закончились бананы. Перед этим она ударила кулаками

по столу, сердито глядя в тарелку, в которой не было ничего, кроме хлопьев. Может, дочь затаила обиду за прошлый вечер, неделю или день. Ханна не знала, что Сюзетта не хотела делать ей еще одну томографию — радиация, в пятьсот раз превышающая обычный рентген, — но уступила желанию Алекса. Соображения, которыми руководствовался муж, основывались на прагматичной уверенности, что прогрессу дочери в развитии речи препятствует физиология. Он не видел, что вытворяла девочка, а Сюзетта никогда не могла сказать ему, в чем действительно заключалась проблема и что все это было одной сплошной ошибкой: она не умела быть матерью и удивлялась, как это вообще когда-то показалось ей хорошей идеей. И, видимо, поэтому во всем с ним соглашалась. Ханну, конечно же, обследуют еще раз. Им, разумеется, надо знать, нет ли у нее физических недостатков.

Сюзетта посмотрела на дочь. Как же они были похожи: темные волосы, большие карие глаза. Хоть бы она унаследовала что-то от Алекса. Сюзетта нарядила Ханну: надела новые гольфы и сандалии с ремешком. На ней же было шелковое платье спортивного покроя, перетянутое на талии ремнем, чтобы подчеркнуть фигуру, и туфли, стоившие целое состояние. Сюзетта понимала, что так наряжаться, отправляясь к врачам, глупо, но боялась, что ее сочтут плохой матерью. Так хотя бы никто не скажет, что ее ребенок выглядит неухоженным. К тому же у Сюзетты было так мало других возможностей надеть что-нибудь изысканное, потому что все время приходилось сидеть дома с Ханной. Раньше она любила наряжаться, отправляясь к Алексу на корпоративные вечеринки. Ей нравилось, что он не сводил с нее сладострастного взгляда, когда она попивала вино и болтала с другими мужчинами.

Тогда еще они пытались прибегнуть к помощи нянь, однако те быстро сбегали, и в конце концов, им пришлось сдаться. Алекс отнесся с пониманием, его

вечеринки стали реже и короче, но тем не менее ей не хватало непринужденной обыденности, которой они когда-то наслаждались с Фионой, Сашей и Нгози. Сюжетта никогда не спрашивала, рассказывает ли Алекс о ней на работе или же ведет себя так, будто ее больше нет.

С волнением ожидая, что скажет доктор — и что он, возможно, станет ее критиковать, — она стала барабанить пальцами по руке Ханны. Та отдернула ладонь и уткнулась подбородком в грудь, все так же глядя на пеструю картину, которая ее словно гипнотизировала. Сюжетта чувствовала, как все тело затекло. От этого неприятно саднила недавняя рана, и женщина потянулась, пытаясь расслабиться. После операции, сделанной восемь недель назад, она впервые устроила себе такую продолжительную прогулку. На этот раз процедуру провели лапароскопическим методом, поэтому реабилитация казалась легче, хотя ей все равно пришлось попросить доктора зафиксировать шрам.

Уродливая неровность рубца, спускавшаяся с правой стороны от пупка вниз глубокой шестидюймовой бороздой, всегда беспокоила ее. Алекс говорил, что эта деталь ее совсем не портит, наоборот, свидетельствует о ее внутренней силе, позволившей выжить, несмотря на перенесенные страдания. Сама же она не нуждалась в напоминаниях о тех отвратительных сиротливых годах, о затаившемся внутри нее враге или об убийственном безразличии собственной матери.

Как водится, первая операция, сделанная в семнадцать лет, вселила в нее такой ужас, что она отвергала рекомендации доктора Стефански до тех пор, пока не возникла опасность прободения кишечника. Поначалу сужение выводного канала отзывалось лишь легкой болью, и она сократила потребление клетчатки. Ей казалось, что активное лечение — впрыскиваемый в кровь препарат

биологического происхождения — устранит наиболее тяжелые симптомы болезни Крона¹. Так оно и вышло. Но когда воспаление отступило, вокруг стриктуры в кишечнике выросла рубцовая ткань.

— Не вырезайте слишком много! — молила она хирурга, словно он хотел не вернуть ей здоровье, а обокрасть.

Алекс поцеловал ее руку с побелевшими костяшками.

— Все будет хорошо, *älskling*², ты почувствуешь себя намного лучше и сможешь есть значительно больше продуктов.

Да, здоровые доводы. Ее не столько пугала потеря изрядного участка тонкой кишки, сколько утрата неотъемлемого права испражняться на унитазе как нормальный человек. Ей доводилось видеть тех, кто вынужден был жить с илеостомией, таская с собой прикрепленные к животу пакеты. Но вот она не могла представить себя на их месте. От одной мысли об этом у нее тряслась голова — до тех пор, пока Ханна не вздрагивала и не бросала на нее сердитый взгляд, недовольно хмурясь, словно она уже взялась портить воздух в комнате.

Сюжете приходилось снова и снова брать себя в руки, чтобы не пугать дочь. Но несговорчивый разум продолжал свою игру, отказываясь отвлекаться на более радостные мысли в последовавшие за операцией недели.

А если еще одна фистула?

Эти страхи преследовали Сюзетту каждый день с тех пор, как ей назначили операцию. В последний раз свищ появился примерно через шесть недель после срочного хирургического вмешательства. Как-то утром она проснулась, чувствуя себя так, будто всю

¹ Болезнь Крона — тяжелое хроническое воспалительное заболевание желудочно-кишечного тракта, способное поражать все его отделы, от полости рта до прямой кишки.

² *Älskling* (швед.) — дорогая, дорогой.

ночь проспала на кирпичках, которые проглотила накануне: лужа нечистот, ждавшая, когда ее осушат. После операции прошло восемь недель, так что вероятность осложнений пошла на спад. Алекс выдал очередную банальность в духе: «Проблемы надо решать по мере их поступления». Доктор Стефански заверил: «Нет-нет, просто продолжайте делать вливания, показатели воспалительных процессов у вас в норме». Но в голове крутился один и тот же вопрос: а если Алексу придется играть роль сиделки, меняющей грязные, вонючие пакеты в ране, которой не дано затянуться...

В дверь смотровой постучали, вырывая Сюзетту из раздумий. Иногда присутствие врача лишь усугубляло ее душевную травму, но на этот раз речь шла не о ней, а о Ханне. Она же пришла сюда как мать, причем мать заботливая, в отличие от ее собственной. Сюзетта приложила руку к животу, в который будто впились тысячи крохотных иголочек, а когда врач с более седой, по сравнению с предыдущим, головой стремительно переступил порог, заставила себя улыбнуться. Брови у него топорщились во все стороны, а из носа вызывающе торчали волоски, и Сюзетте с трудом удавалось смотреть доктору в глаза.

Он пожал ей руку и поприветствовал:

— Миссис Дженсен.

Как и все остальные, доктор неправильно произнес ее фамилию. Хотя Сюзетту это беспокоило в меньшей степени, чем Алекса, который родился в Швеции и, прожив в Соединенных Штатах девятнадцать лет, все не мог смириться с тем, что американцы вместо «Й» всегда произносят «Дж». Доктор сел на стул на колесиках и вывел на экран компьютера медицинскую карту Ханны.

— Никаких изменений с момента предыдущего обследования... Когда она его прошла? Два с половиной года назад? Череп, челюсть, горло, рот — никаких аномалий не выявлено ни томографией, ни осмотром.

Стало быть, все хорошо, правда? Ханна у нас — здоровая девочка.

Он улыбнулся, а Ханна отвернулась.

— Значит... нет никаких?.. — Сюжетта старалась не выдать охватившего ее разочарования. — Ханна должна уже оканчивать первый класс, а мы ее даже в школу не можем отдать, потому что она не говорит. Мы не считаем, что ее надо отдавать в специальный класс: она сообразительна, я занимаюсь с ней дома, девочка очень умна. Умеет читать, считать...

— Миссис Дженсен...

— Это не пойдет Ханне на пользу, в такой изоляции ей будет плохо. У нее нет друзей, она не общается со сверстниками. Мы стараемся ее поддерживать и ободрять. Неужели ничего нельзя сделать, как-то помочь?

— Если у Ханны проблемы с речью, я знаю прекрасного логопеда.

— Мы уже обращались к логопедам.

— Она сможет пройти любые тесты. Речевая апраксия, семантическое прагматическое расстройство... — Он прокрутил на мониторе таблицу, что-то выискивая. — Нарушение слухового восприятия, хотя ее случай для этого представляется нетипичным. Вы обследовали ее на предмет данных патологий?

— На что мы ее только не проверяли. Она прекрасно все слышит, мышечная слабость нигде не выявлена, когнитивных проблем тоже не наблюдается. Я уже сбилась считать эти тесты, хотя они, по всей видимости, ее забавляют. Но не хочет говорить ни слова.

— Не хочет? — Доктор повернулся и посмотрел на Сюжетту.

— Не хочет. Или не может. Я не знаю. То есть... именно это мы и пытаемся выяснить.

Сюжетте стало неуютно, когда доктор начал переключать внимание с нее на Ханну и обратно. Она представила картину его глазами: дочь с полчищем

тараканов в голове и мать — аккуратную и ухоженную, но с нервами ни к черту.

— Говорите, она умеет читать и писать? Стало быть, вы можете общаться с ней с помощью письма?

— Она пишет ответы в тетрадках, ничуть против этого не возражая. Мы знаем: наша девочка все понимает. Но когда просим ее выразить на бумаге свои мысли, чтобы наладить хоть сколь-нибудь эффективное общение... Нет, она не желает с нами так говорить.

Сюзетта так крепко сжала кулаки, что почувствовала боль. Потом схватила и стала тереть ремешок сумочки.

— Ханна умеет издавать громкие, неприятные звуки, и мы считаем, что у нее могли бы получаться и другие. Она может рычать, визжать, а еще мычать про себя какие-нибудь песенки.

— Если все дело в ее сознательном отказе... Тем, кто *не хочет* и кто *не может*, требуются разные врачи.

Сюзетта почувствовала, как покраснело лицо, будто собственные руки рванулись к горлу и принялись выдавливать из нее жизнь.

— Я... мы... даже не знаем, что делать. Дальше так продолжаться не может.

Она судорожно вздохнула.

Врач сцепил пальцы и улыбнулся сочувственной кривой улыбкой.

— С поведенческими нарушениями справиться так же трудно, как и с физическими, если не труднее.

— Мне не дает покоя одна мысль... Может, я что-то делаю неправильно?

— Понимаю, это действительно создает в семье напряжение. Я мог бы посоветовать вам детского психолога. Психиатра рекомендовать не буду, по крайней мере, до тех пор, пока девочке не поставят диагноз. В наш век все страшно торопятся выписывать рецепты, а психолога, надо полагать, вы как-нибудь переживете.

— Да, спасибо, думаю, так действительно будет лучше.

— Я вышлю направление через вашу страховую компанию...

Он повернулся обратно к компьютеру. Сюзетта мяла ремешок сумочки, скручивая его в узлы, от облегчения у нее немного кружилась голова. Потом заправила Ханне за ухо выбившуюся прядь волос.

— Я стараюсь избегать всякой химии, — сказала она в сутулившуюся спину доктора. — Дело не в том, что все медикаменты ядовиты, однако общество, как вы сами только что заметили, по поводу и без повода сразу же стремится найти таблетку, совершенно не задумываясь о побочных эффектах. Но если это не физический недостаток... Решение, не подразумевающее никакой химии, звучит неплохо.

Она повернулась к Ханне.

— Мы все решим и найдем кого-нибудь, с кем ты сможешь говорить.

Ханна хлопнула Сюзетту по руке, презрительно скривила губу и сердито зарычала. Сюзетта метнула в нее предупреждающий взгляд и украдкой посмотрела на доктора, желая убедиться, что он ничего не видел.

Ханна вскочила на ноги, сложила на груди руки и встала у двери.

— Мы закончим буквально через минуту.

Сюзетта постаралась вложить в интонацию все терпение, на которое только была способна.

Доктор повернулся обратно на стуле и тихо засмеялся.

— Я никоим образом вас не порицаю, юная леди, ведь в такой солнечный день вам пришлось торчать у врача. — Он встал, и Сюзетта с Ханной — вслед за ним. — Как только получите направление, а на это, скорее всего, уйдет несколько дней, свяжитесь непосредственно с доктором Ямамото и запишитесь к ней на прием. Она специализируется на психологии детского развития,

прекрасно ладит с ребяташками и считается очень авторитетным экспертом. Надеюсь, Ханна найдет с ней общий язык. Когда будете отсюда уходить, вам распечатают всю необходимую информацию.

— Огромное вам спасибо.

— Думаю, она даже сможет посоветовать вам какую-нибудь школу.

— Отлично.

Сюзетта посмотрела на дочь и совсем не удивилась хмурому, сердитому выражению ее лица. Своим отвратительным поведением Ханна добилась, что перед ней закрыли двери три начальные школы и два детских сада. Сюзетта пришла к выводу, что ее отношения с дочерью улучшатся только тогда, когда Ханна пойдет учиться и они перестанут находиться вместе двадцать четыре часа в сутки. Ей действительно очень хотелось, чтобы они стали лучше понимать друг друга. Она устала без конца орать на дочь. Может, это был и не самый действенный метод воспитания, но девочка все время давала ей поводы — большие и маленькие — это делать: обрывала на комнатных растениях все листья, разматывала по дому клубки ниток, незаметно подливала в апельсиновый сок средство для снятия лака, швыряла мячами в стеклянную стену их дома, неподвижно смотрела на нее в упор, отказываясь шевелиться или моргать. Разбрасывала по всей комнате, как дротики, остро наточенные карандаши. Ханна изобретала множество способов поразвлечься, и практически все они относились к категории недопустимых.

Поскольку доктор подтвердил, что с физиологией у нее все в порядке, пришло время убедить Алекса подыскать для Ханны школу для ее же собственного физического и душевного благополучия. Кто-нибудь другой, может, и смог бы призвать дочь к порядку и преуспеть там, где у нее ничего не получалось. Она не могла сказать мужу, что ей тоже нужны личное пространство